

Сергей ФИЛАТОВ

Родился в Москве в 1936 году. Окончил Московский энергетический институт. Кандидат технических наук. Публицист, политический и общественный деятель. Возглавлял Администрацию Президента РФ (1993-1996). В октябре 1993г выступил с инициативой созыва Конституционного совещания и возглавил рабочую группу по окончательной доработке проекта новой Конституции, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. С 1997 года Президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. Сопредседатель Общественного научно-консультативного Совета при ЦИК России. Член Союза журналистов России. Председатель Союза писателей Москвы. Автор книг «На пути к демократии», «Совершенно несекретно», «Политология», «По обе стороны...» (переиздана на Кубе на испанском языке), «Сыновний поклон». Автор многочисленных статей в периодических изданиях и предисловий к книгам. Лауреат Государственной премии СССР. Живёт в Москве.

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА

Помню, после первых прочитанных мной книг Васильева - «А зори здесь тихие.» и «Не стреляйте в белых лебедях», - я всё время спрашивал себя: «Почему писатель так жестоко обходится со своими героями?». Но ответа тогда найти не смог. Зачитываясь в те далекие годы книгами Бориса Васильева, разве мог я подумать, что судьба однажды неслыханно одарит меня - познакомит с ним и его супругой Зорей Альбертовной, Зоренькой, введет в их семью, в их старый деревянный дом со скрипящими половицами, приютившийся в лесу, неподалеку от подмосковного Солнечногорска, и сделает нас друзьями.

Этой судьбой распорядились однажды друзья нашей семьи - поэты Татьяна Кузовлева и Владимир Савельев, создавший вместе с Юрием Черниченко и Юрием Нагибиным после развала СССР и его державного Союза писателей - демократический Союз писателей Москвы. Володя стал Первым секретарём этого Союза. Оба они - Таня и он - добрейшие люди, но - твёрдые (каждый по-своему) в борьбе за справедливость и чистоту в человеческих отношениях - с чиновниками от литературы, которые пытались захватить (и захватили-таки!) писательскую собственность и нажиться (нажились-таки!) на ней; в противостоянии тем писателям-холуям, которые еще в СССР по команде сверху клеймили и вытесняли за рубеж талантливых, независимых, придерживавшихся либеральных взглядов своих коллег по писательскому цеху, писавших правду о советской действительности.

Нашей первой поездке к Васильевым предшествовал эпизод, который развернул мою жизнь к писательскому миру. Как-то Володя Савельев пригласил меня вечерком заглянуть в штаб Союза писателей Москвы - поговорить и попить чайку. Я приехал к назначенному времени и, когда вошел в тесную комнатёнку правления, там уже собралось немало народу. Видно было - меня ждали. Это была задуманная Володей процедура моего приема в Союз писателей Москвы. Перед многими присутствующими лежала моя новая книга «На пути к демократии», которую Володя и Таня помогли мне отредактировать. Володя неожиданно для меня прочитал рекомендации дорогих моему сердцу Бориса Васильева и Григория Бакланова. Так он укреплял демократические начала писательского сообщества. Так появилась причина первой поездки вместе с Володей и Таней в загородное гнездо Бориса Львовича и Зори Альбертовны. Поехали мы вместе с моей постоянной спутницей - супругой Галей. Часто впоследствии с нами ездили наши друзья Валерий и Саша Очировы, создатели журнала «Монолит-дайджест» Алексей и Галя Гринберги, издатель Александр Радовичский. В дни, когда было худо со здоровьем у Бориса Львовича, с нами приезжал Владимир Григорьев, заместитель руководителя Роспечати. Он с особой нежностью относился к Васильевым и старался помочь в такие минуты. И не только. Он много делал для

издания произведений Васильева, особенно, его новых произведений.

Дом Васильевых в Солнечногорске

.. И вот на 73-м километре от Москвы мы сворачиваем с трассы Москва - Санкт-Петербург и метров через триста езды по ухабистой лесной дороге оказываемся перед двумя соседствующими домами, в одном из которых и живут Васильевы. Хозяин, улыбаясь, сам распахивает ворота перед нашей машиной. Первое впечатление после дружеских рукопожатий: нас встречает родной человек, со знакомым до боли, умным и добрым лицом.

Впоследствии мы убедились, что ритуал встречи и проводов гостей, когда хозяин сам отпирает и запирает ворота, соблюдается им неукоснительно, даже когда ему нездоровится. Кроме последних лет его жизни. По узкой тропинке идем гуськом к крыльцу. Пока женщины накрывают на стол, мы поднимаемся с Борисом

Львовичем по довольно крутой лесенке на второй этаж, в его рабочий кабинет - невысокую вытянутую в длину светёлку, со старенькой кушеткой, с книжными полками и несколькими стульями, с письменным столом, большую часть которого занимает компьютер.

Завязывается разговор, в ходе которого мы прикладываемся по маленькой из потайных запасов хозяина, и коньячок кажется особенно вкусным - это тоже становится от встречи к встрече частью нашего ритуала. Зоренька, которая в это время вместе с Галей и Таней готовила стол или беседовала о жизни, конечно, догадывалась о наших проделках, наверняка поварчивала, но переносила терпеливо. Только изредка, как бы вскользь, напоминала о беспокойстве за здоровье мужа.

На первый же мой вопрос:

- Много ли Вы работаете?

Борис Львович ответил:

- Каждый день я должен написать не менее десяти печатных страниц. И неважно, пишется в этот день или нет, и неважно, что я напишу, но - не менее десяти страниц.

И он показал свой маленький секрет - потыкал пальцами по клавишам компьютера, и на экране появилась страница с заголовком «Мгновения».

- Вот в эти «Мгновения» и записываю, что придет в голову, а затем это превращается в архив, в действующий архив, из которого я черпаю материал, когда работаю над книгой или над какой-то публикацией.

Мне понравилась эта идея, и я у себя в компьютере тоже стал вести такого рода дневник и назвал его - «Мгновения. День за днем». Теперь могу признаться: «Мгновения»-то у меня получились, а «День за днем» - нет, ибо писал, только когда появлялось желание. А оно по мере ухудшения ситуации в стране и поворота к старому, появлялось все реже и реже. Я тогда подумал: «Какая должна быть у человека самодисциплина и какая организованность, чтобы каждый божий день вписывать туда всё новые и новые мысли и наблюдения!». Я неоднократно потом убеждался, что

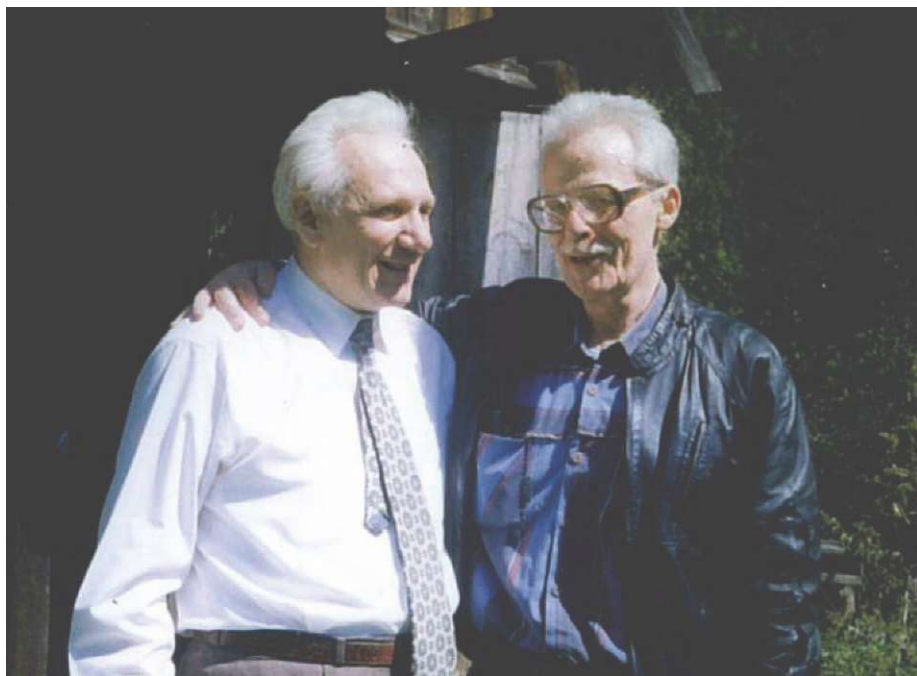
Васильев не только подтянут внешне - выправка у него офицерская, - но и внутренне. Он очень ответственно подходил к любой просьбе, к любому делу, за которое брался.

В первый же день нашей встречи я решился задать писателю мучивший меня вопрос. Правда, я немного схитрил и сделал это не в лоб, а произнося тост за хозяина дома. Прозвучало это так:

- Дорогой Борис Львович, когда я прочел первые Ваши книги, у меня было желание побить писателя - было нестерпимо больно за погибших, убитых героев. Ну зачем нужно было так безжалостно поступать с ними, не оставив им шансов на жизнь, зачем так остро ранить читателей?

Последовал мгновенный ответ:

- Голый нерв быстрее заставляет осмыслить и понять происходящее.

И после короткой паузы:

- Я убежден, что искусство не должно выступать в роли утешителя, его функция - обнажать перед людьми жизненные опас-

ности в любых их проявлениях, будить совесть и учить сочувствию и добру...

Каждая последующая наша встреча приносила неожиданные открытия в толковании истории России и мира, выстраивая логически выверенную и глубоко мотивированную цепь событий. У него на всё был свой неординарный взгляд. Увлечение с детства историей, обилие прочитанных книг, глубочайшая образованность и эрудиция, проявившиеся в работе над серией исторических повестей и романов, острый аналитический ум - всё это делало его оценки сегодняшних и исторических процессов точными, смелыми и неожиданными.

Читая многое из написанного Васильевым, я узнавал живые отклики на наши беседы. Помню разговор о причинах вечного бесправия личности в России. Меня беспокоило и беспокоит сейчас усиливающееся желание церкви быть более влиятельной силой в нашем государстве, сращивание церковных интересов с властными, что зачастую приводит к ограничению свобод человека и его гражданских прав. И как бы в подтверждение своего беспокойства прочёл в одной из статей Бориса Львовича: *«Древняя Русь, приняв христианство византийского толка, приняла и Византийское право, в котором приоритетом оказались не права личности, а безусловное право деспота, государя, царя, - то есть приоритет власти. На этом представлении о преимуществе государственных прав над правами личности и существовала Россия вплоть до Судебной реформы Александра Второго. Однако реформы эти, обеспечившие самый демократический суд в России, в дикие глубины страны, а тем паче, в глубины населяющих ее темных душ проникнуть не успели. Объявились большевики, решительно повернувшие к византийскому пониманию приоритетного права государства». В итоге общество формировалось «в пренебрежении к презумпции невиновности, о которой и не подозревает большинство населения вообще. Именно на разности исходных принципов и основываются наши разногласия с Европой, как только заходит разговор об ущемлении прав человека».*

У Бориса Васильева свои, и притом серьезные счёты с XX веком. Хотя он и считал, что во многом ему повезло. В их семье редко и очень скупо рассказывали о своем прошлом. Поколение Ва-

силыева - первое, родившееся после окончания гражданской войны, - оказалось поколением, выросшим в состоянии продолжающейся, уже скрытой гражданской войны. *«Конечно, мы не ощущали всего ужаса перманентного террора, - напишет он позже, - но наши родители, родственники, старшие братья и сестры испытывали его в полной мере. Нам в наследство досталось полностью разрушенное правовое пространство, а нашим внукам - разрушенное идейное... Ни отец, ни мама никогда мне ничего не рассказывали о себе. Ни о своем детстве, ни о своей молодости. Они исходили из главного принципа того времени, когда я был ребенком: чем меньше я буду знать о прошлом, тем спокойнее будет моя жизнь».* В разговоре на эту тему я поделился тем, что было в нашей семье. У нас тоже было не принято говорить о прошлом, о родственниках и друзьях. Для таких тем мы с папой обычно выходили прогуляться на улицу. Но вот одна деталь мне запала в голову. Папа поздно вставал - обычно в 12 и даже иногда в 2 часа дня, а по ночам читал до 4-х - 5-ти часов утра. И я долго не мог взять в толк, что он долго не засыпал еще и потому, что обычно в 4-5 часов утра производились аресты. Борис Львович оживился и тут же попросил разрешения использовать эту деталь в своих сочинениях....

Но иногда в Солнечногорском доме случались минуты откровений хозяев дома. Надо сказать, что Зоря Альбертовна уступала тут пальму первенства мужу. И тогда собравшиеся за тяжелым квадратным обеденным столом, затаив дыхание, слушали рассказ о родовых связях и занятиях нескольких поколений семьи Васильевых и Алексеевых. Отец писателя, Лев Александрович Васильев, происходил из дворянского сословия, был, как и его предки по мужской линии, кадровым офицером. Служил сначала в царской, а затем в Красной и Советской армии, чудом пережил три армейские чистки, бывшие больше всего по бывшим офицерам царской армии... Мать, урожденная Алексеева Елена Николаевна, принадлежала к известному на псковщине старинному дворянскому роду, связанному с именами Пушкина и Толстого, с общественным движением девятнадцатого века.

Свои оценки предвоенного времени Борис Львович обозначил в нескольких книгах, но наиболее жестко, по-моему, они прозвуч-

чали в повести «Завтра была война». В ней глубоко и трагично представлена ломка характеров и судеб при неизбежном столкновении со сталинской эпохой доносов и арестов, исчезновения людей и разрушения семей, с повсеместным насаждением двойной морали. Но ломались не только судьбы и исчезали не только люди - ломалась культура, искоренялись извечные моральные принципы. А значит, менялась вся система нравственных координат. Семья и улица несли взаимоотталкивающие заряды информации: *«...так было во всех семьях, инерционно стремившихся передать нам нравственность вчерашнего дня, тогда как улица - в самом широком смысле - уже победно несла нравственность дня завтрашнего»*. В этих рассказах остро ощущалась похожесть на происходящее в России сегодня. И даже определение «пятая колонна» уже не однажды звучало из уст нашей власти. Борис Львович очень остро переживал то, что происходило в стране после ухода с президентского поста Б.Н.Ельцина. И подошло время, когда его перестала интересовать политика. В такие моменты он обычно говорил: «Я ничего не понимаю в политике.».

В разговоре о школе и образовательных реформах я как-то посетовал:

- У многих из нас хорошие специальные знания, я имею в виду специальное образование, но колоссальный недостаток гуманитарного, которое должна давать средняя школа: общее представление о мире, о науках, об их взаимосвязи с обществом, этикой, культурой...

- Я точно могу сказать, - поддержал меня Борис Львович, - что в дореволюционные времена воспитание было более созидательным, в отличие от разрушительного советского, с его тенденциозными лозунгами, человеконенавистнической идеологией, с враждебностью к любому инакомыслию, показательными судами над «врагами народа», массовыми репрессиями и расстрелами.

Как-то я упомянул о покаянии в обществе, об исторической памяти:

- Борис Львович, а как же с прошлым, с его оценками?

- Историю - не в записи, разумеется, - исправить невозможно, но можно - и нужно! - попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем. Я ду-

маю, что в историческом самосознании россиян нет явных разрывов, оно цельно.

...Особая тема наших бесед - Великая Отечественная война. Когда она началась, Васильев только что окончил девятый класс и ушел на фронт добровольцем. Чудом остался в живых: *«...мне и вправду выпал счастливый билет. Я не умер от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся во всех моих семи десантных прыжках, а в последнем - боевом, под Вязьмой в марте 43-го - я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины»*. Однако он умалчивает, что была тяжелейшая контузия.

После госпиталя, осенью 1943 года, он поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Там он встретил свою будущую жену - Зорю Альбертовну Поляк, которая училась в той же академии. В начале их совместного пути случился один драматичный эпизод, который Борис Львович считает определяющим во всей их последующей многолетней жизни и который он описал в «Веке необычайном». Все произошло во время практики, под Ленинградом, при испытании самоходки СУ-152, которая направлялась на стрельбы. Бориса и Зорю Васильевых высадили в ближайшей низине и велели ждать. *«И тут я увидел незабудки... я уже набрал букетик, когда вдруг обнаружил минную растяжку. Проследил глазами и заметил мину, к которой она вела. Мину с не вывинченным взрывателем. И понял, что меня занесло на не разминированный участок обороны. Осторожно развернулся к юной жене, а она оказалась передо мною. Лицом к лицу»*.

- *Мины.*

- *Я знаю. Боялась кричать, чтобы ты не бросился ко мне. Сейчас мы осторожно поменяем места, и ты пойдешь за мной. Шаг в шаг.*

- *Первым пойду я. Я знаю, как и куда смотреть.*

- *Нет, ты пойдешь за мной. Я вижу лучше тебя.*

Говорили мы почему-то очень тихо, но лейтенант Васильева говорила так, что спорить было бессмысленно. И мы пошли. Шаг в шаг. И - вышли. С той поры я часто попадал на минные поля... Вот уже более шести десятков лет я иду по минному полю нашей

жизни за Зориной спиной. И я - счастлив. Я безмерно счастлив, потому что иду за своей любовью. Шаг в шаг».

Это правда. Если говорить на языке лётчиков, то ведущей в семье всегда была Зоря Альбертовна. Часто во время разговоров я замечал, как нет-нет, да обратится в ее сторону взгляд мужа, как бы спрашивая ее одобрения.

Военная проза Бориса Васильева по-особому объясняет, что такое долг, честь и патриотизм. Патриотизм, по Васильеву, - чувство интимное и сокровенное (хорошо бы это понять нашим правителям!).

В годы реформ и преобразований, да и до сих пор много споров шло и идет о роли интеллигенции: одни упрекали интеллигенцию в том, что она толкнула общество на разрушения, другие - в том, что она не довела начатое дело до конца и самоустранилась от реформ.

«Я прожил достаточно длинную жизнь, - напишет он в своей книге о XX веке, - чтобы внутренне ощутить, а не просто логически осмыслить все три этапа, три поколения русской интеллигенции от ее зарождения до гибели через ступени конфронтации, унижения, физического уничтожения, мучительного конформизма уцелевших до возрождения веры в гражданские права и горького понимания, что интеллигенция так и осталась невостребованной. ...Ведь необходимость и сила русской интеллигенции была в ее понимании своего гражданского долга перед родиной...». И вывод делается писателем совершенно замечательный: *«...Русский народ не может существовать без собственной интеллигенции в исторически сложившемся ее понимании не в силу некой богоизбранности, а потому лишь, что без нее он утрачивает смысл собственного существования, вследствие чего никак не в силах повзреть».*

О чем бы ни писал Борис Васильев, о чем бы ни говорил, масштаб личности, писательское провидчество, уровень мышления и таланта придают каждому его слову широкое общечеловеческое звучание, вызывая благодарный отклик в мыслящих людях и чувство гордости за возможность причислить себя к его современникам.

.Была в семье Васильевых незыблемая традиция - за столом второй тост всегда за хозяйку. На ней - не только все хозяйство и распорядок дня. У нее хороший вкус, точный взгляд, а у обоих - обостренное чувство справедливости и правды. И очень высокая планка нравственных оценок. Сколько раз я предлагал организовать лечение Бориса Львовича и провести сложные операции в ЦКБ или в других крупных, престижных клиниках Москвы, и каждый раз получал мягкий, но твердый ответ: «Спасибо, не надо, будем лечиться там, где лечились, там хорошие врачи, а условия - как для всех».

В начале 2013 года раздался телефонный звонок, звонила Зоря из Солнечногорской больницы:

- Сергей Александрович, болит сердце, и я легла подлечиться. Больше не могу. Посмотрите за моими мужчинами. Ведь без меня они погибнут. Я знаю это, но мне нужно быть здоровой.

Я упрекнул ее в том, что нужно было лечь в сердечную клинику, и предложил перевезти ее в клинику Лео Бокерии. Но она отказалась. На следующий день ей стало лучше, но на другой день состояние ухудшилось. Нас встревожило, что все телефоны молчали - и ее мобильный, и больничные. Я попросил Лео Антоновича Бокерию узнать, может быть, нужно его вмешательство. Но ни он, ни его врачи не смогли дозвониться в Солнечногорскую больницу.

Наутро сообщили, что Зоря Альбертовна скончалась. Ушла та, которая была на протяжении более шестидесяти лет надёжной спутницей Бориса Львовича, вела его по жизни, освещая своей добротой и мудростью долгий путь писателя.

В кругу родных и друзей наступили тревожные дни: насколько хватит сил и жизнеспособности у Бориса Львовича, лишившегося своей Зореньки. Хватило ненадолго - на девятый день после ее смерти ушел из жизни Коля - их приемный сын, а через два месяца, 11 марта 2013 года встав утром и отказавшись от завтрака, Борис Львович тихо сказал: «Наверное, пришло и мое время.», прилег на кровать и тихо ушел. На 89-м году скончался Борис Львович Васильев - мой друг, один из лучших писателей земли русской, проза и публицистика которого позволяют и сейчас вглядываться незамутненным взглядом в наше прошлое, с волнением принимать к сердцу настоящее и переживать с его героями драматические повороты их судеб и судьбы страны.